

БФ

ЭД МАКБЕЙН

Златовласка

Мэттью Хоуп

Эд Макбейн
Златовласка

1977

Макбейн Э.

Златовласка / Э. Макбейн — 1977 — (Мэттью Хоуп)

Кровавое убийство молодой женщины и двух ее дочерей заставляет подозревать каждого, или никого. Ложь во всех показаниях очевидна. К адвокату Мэттью Хоупу обращается единственный человек, не имевший, похоже, мотивов для убийства. Но именно он объявлен основным подозреваемым...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эд Макбейн Златовласка

Глава 1

Белая патрульная машина с выключенными фарами и мигалкой стояла у обочины рядом с домом. В час ночи улица была объята сном. Я остановил машину и направился туда, где под голым апельсиновым деревом стоял Джейми и разговаривал с полицейским. В заливчике, который был сразу за домом, послышалось урчание рыболовного катера. На мелководье по эту сторону моста водилась кефаль, но на крючок она не шла, так что рыбаки, бороздя круг за кругом, выбрасывали сети.

Джейми выглядел бледным и подавленным. Ему было сорок шесть лет – на десять лет старше меня, – но в молочном лунном свете он казался гораздо моложе, а может быть, такое впечатление создавала его хрупкость. Он был в голубой тенниске, белых брюках и синих летних туфлях. Стоявший против него патрульный взмок: волосы прилипли ко лбу, под мышками рубашки темнели большие пятна. Он наблюдал за мной с того момента, как я вылез из машины.

– Я Мэттью Хоуп, – представился я. – Адвокат доктора Парчейза.

Сам не знаю, почему я сразу обратился к патрульному, а не к Джейми. Очевидно, подсознательно я с самого начала пытался взять Джейми под защиту, дав понять представителям закона, что являюсь юристом и никаких фокусов с правами клиента не потерплю.

– Значит, он вам позвонил? – спросил патрульный.

– Да.

– Когда, сэр?

– Где-то без четверти час. Минут десять назад.

– Я принял сообщение по радио всего пять минут назад, – сказал патрульный. У него это прозвучало как обвинение.

– Все правильно, – заметил я. – Сначала он позвонил мне. Я посоветовал ему уведомить полицию.

– Ничего, если я войду сейчас в дом? – спросил патрульный.

– Да, конечно, – глухо ответил Джейми.

– Если не хотите, можете не ходить со мной.

– Я бы предпочел... не ходить, – сказал Джейми.

– Хорошо, сэр, – сказал патрульный, неожиданно слегка коснувшись рукой плеча Джейми. После этого он осветил газон фонариком и легко зашагал к передней двери, переступая через трубы дождевальной установки. Луч фонарика высветил медную дверную ручку. Патрульный настороженно повернул ее, как бы ожидая, что дверь будет заперта, но дверь оказалась открытой, и он вошел внутрь.

Оставшись наедине с Джейми, я тут же начал:

– Я бы хотел задать тебе тот же самый вопрос...

– Это сделал не я, – отчеканил он, не дав мне договорить.

– Скажи мне правду, Джейми...

– Это и есть правда! – опять перебил он.

– ...потому что, если это твоих рук дело, мне нужно знать это прямо сейчас.

– Это не я.

– Хорошо... А как ты думаешь, кто это мог быть?

– Не знаю, Мэтт... Просто не имею представления!..

– А почему ты позвонил мне, а не обратился сразу в полицию?

– Не знаю. Наверное... ты мой адвокат, Мэтт, наверное, я подумал... что-то относительно... Ну, я не знаю...

Еще одна патрульная машина деловито подруливала к обочине. Ни сирены, ни мигалки. Водитель выключил двигатель и вылез. Поддержнув брюки, он не мешкая направился туда, где под голым апельсиновым деревом стояли мы с Джейми. Это был настоящий гигант. Во мне самом шесть футов два дюйма росту,¹ и вешу я сто девяносто фунтов,² но по сравнению с ним я вдруг ощутил себя карликом. На рукаве его рубашки были сержантские нашивки. А потел он еще обильнее, чем другой патрульный, – температура в этот день поднялась до девяноста двух градусов, так что сейчас было восемьдесят шесть,³ да к тому же здешняя высокая влажность. Такая погода скорее подходила для августа, чем для последнего дня февраля.

– Сержант Хэскомб, – представился он, прикоснувшись к козырьку фуражки. – Кто тут вызывал полицию?

– Я, – отозвался Джейми.

– Ваше имя, сэр?

– Джеймс Парчейз.

– Я выехал, как только услышал сообщение по радио, – сказал Хэскомб. – Ферли все равно бы вызвал меня. Ферли – позывной пять, а я его начальник.

Казалось, при таких габаритах он испытывает неловкость, общаясь с людьми меньше его ростом. Он вытащил из заднего кармана носовой платок, снял фуражку и вытер лоб, затем спросил:

– Он сейчас внутри?

– Да, – ответил я.

– Простите, сэр, а вы?..

– Мэттью Хоуп. Я адвокат доктора Парчейза.

– Понимаю, – произнес он. – Что ж, извините, – добавил он и направился к двери. Прежде чем зайти в дом, он вытер околыш фуражки носовым платком. Несколько секунд спустя он вышел и стремительно направился к машине. По спине у него расплзлись пятна пота, напоминавшие развернутые крылья летучей мыши. Я разглядел его, когда он потянулся за рацией: лицо его было мертвенно-бледным...

Я адвокат не по уголовным делам.

Прежде чем переехать в Калужу, я семь лет работал адвокатом в Иллинойсе, и здесь, в штате Флорида, я последние три года занимался все той же адвокатской практикой, но мне никогда не приходилось представлять клиентов, которые были бы замешаны в уголовных преступлениях. Первое, о чем я спросил Джейми по телефону, это не хочет ли он, чтобы я связался с адвокатом по уголовным делам. Хотя это не совсем так. Сначала я спросил его, не он ли совершил эти убийства. Он заверил меня, что нет, но я все же напомнил, что не являюсь адвокатом по уголовным делам, и спросил, не хочет ли он на всякий случай пригласить хорошего адвоката. Джейми ответил: «Если я не убивал, тогда зачем он мне нужен?» В тот момент я не нашелся, что ему ответить. Просто посоветовал поскорей вызвать полицию и сказал, что еду. А вот сейчас, в час тридцать ночи, глядя на всех этих полицейских, шныряющих по дому и вокруг, я почувствовал себя совершенно выбитым из колеи и пожалел, что не настоял на помощи эксперта.

У обочины теснилось уже три полицейских машины, и патрульные поставили ограждение на обоих концах Джакаранда-Драйв. Внутри этих ограждений находилось четыре автомобиля из команды капитана, возглавлявшего Отдел расследований убийств, два детектива в

¹ Примерно 1 м 88 см.

² Около 86 кг.

³ Температура по Фаренгейту, соответствует 33° С.

штатском, которым было поручено это дело, и помощник медицинского эксперта. Представитель прокурора штата припарковал свою машину через дорогу сразу за фордовским фургоном криминалистов. Машина «скорой помощи» с раскрытыми задними дверями была развернута задом к дороге...

Вся эта суматоха разбудила соседей, беспокойство охватило всю улицу. Люди толпились перед заграждениями, перешептывались, задавая вопросы, останавливая то одного, то другого патрульного, чтобы узнать, что же все-таки произошло. Большинство из них было одето в пижамы и халаты. Улица была залита ярким лунным светом.

– Кто здесь главный? – спросил патологоанатом.

– Я.

Детектива звали Джордж Юренберг. Примерно моего возраста, может, на год-два моложе, тридцать четыре – тридцать пять лет. Рыжие волосы. Клок волос, прилипший ко лбу, смотрелся как пятно ржавчины. Нависшие брови тоже были рыжими, а глаза – такого насыщенного темно-коричневого цвета, что казались почти черными. Переносица и скулы усыпаны веснушками. Одет он был в яркую клетчатую летнюю куртку, темно-синие брюки, голубые носки и коричневые мокасины. Из-под куртки – темно-красная тенниска с распахнутым воротом. Он был высокого роста, как, впрочем, и большинство полицейских.

– Я закончил, теперь можете осмотреть их сами, – сказал патологоанатом. Он имел в виду трупы жены Джейми и его детей. – Причиной смерти являются многочисленные колотые раны, – добавил он. – Сейчас трудно сказать, какая из них оказалась смертельной. Тот, кто это сделал...

– Здесь находится муж, – прервал Юренберг.

– Простите, – извинился эксперт. – Как бы то ни было, коронер⁴ позже специально введет вас в курс. Извините, – еще раз проговорил он и направился к своему голубому «шевроле».

Юренберг подошел к напарнику, беседующему с техническим экспертом из Отдела криминалистики. Тот был смуглым человеком маленького роста с ярко-голубыми глазами. Юренберг сказал ему несколько слов, напарник кивнул и вместе с экспертом пошел в дом. Юренберг вернулся к нам.

– Не возражаете, если я задам доктору Парчейзу несколько вопросов? – спросил он.

– Его ведь ни в чем не подозревают, не так ли?

– Нет, сэр, конечно же, нет. Если хотите, сэр, я могу рассказать ему о его правах, но это всего лишь обычное предварительное расследование, и в данном случае от меня этого не требуется. Хотя, если хотите, я готов...

– Нет, нет, все в порядке, – сказал я.

– Что ж, тогда вы не возражаете, сэр, если я задам ему ряд вопросов?

– Да, пожалуйста, – согласился я.

– Доктор Парчейз, я предполагаю, что не вы убили собственную жену и детей. Я прав, предполагая это?

Его речь слегка напоминала речь южанина, хотя акцент улавливался с большим трудом. Нужно было внимательно прислушаться, чтобы вдруг уловить характерный протяжный гласный звук или проглоченную на конце слова согласную. Его манера общения была приятной и дружеской, несмотря на то, что он задавал вопросы по поводу ужасающего по жестокости убийства.

– Я их не убивал, – проговорил Джейми.

– Отлично. Тогда далее я предполагаю, что вы хотите помочь нам найти того, кто их убил. Доктор Парчейз, я прав, предполагая это?

– Да.

⁴ Коронер – в Англии и США лицо, ведущее предварительное следствие в случаях насильственной смерти.

- Вам не приходит в голову, кто мог бы совершить такое?
- Нет, – односложно ответил Джейми.
- Не было ли недавно каких-нибудь угрожающих писем или телефонных звонков?
- Нет, не было.
- Вы врач, не так ли, сэр?
- Да.
- Практикуете здесь, в Калузе?
- Да. Я работаю в Бельведерском медицинском центре.
- Не мог кто-нибудь из ваших пациентов иметь причину затаить злобу на вас или на...
- Ни о ком такого сказать не могу.
- А как насчет медсестер? Вы не ссорились с ними в последнее время?
- Нет.
- Вы хорошо им платите?
- Да.
- Кто-нибудь из них заводил в последнее время разговор о повышении зарплаты?
- Я им обеим повысил зарплату только в прошлом месяце.
- А что насчет ваших коллег?
- Я практикую в одиночку, у меня нет коллег.
- А есть у вас соперники по профессии, которые могли бы желать вреда вам или вашей семье?
- Не думаю.
- Может быть, в последнее время у вас возникали споры с семьями пациентов, которых вы лечили? Или что-нибудь вроде этого?
- Нет.
- Вы преследовали кого-нибудь за неуплату по счетам?
- Нет.
- Доктор Парчейз, а теперь я хочу задать вам сугубо личный вопрос, и мне необходимо знать ответ, потому что это важно. Вы или ваша жена развлекались на стороне?
- У нас был очень счастливый брак.
- Давно вы женаты, доктор Парчейз?
- Восемь лет.
- Это ваша первая женитьба?
- Нет.
- Ваша первая жена жива?
- Да.
- Она живет здесь, в Калузе?
- Да.
- От первого брака есть дети?
- Двое.
- Где они живут?
- Дочь последние три года живет в Нью-Йорке. Сын – здесь, в Калузе.
- Сколько им лет?
- Дочери двадцать два. Сыну двадцать.
- В последнее время не было между вами ссор?
- Нет.
- Вы хорошо ладите с ними, не так ли?
- Лажу с ними... – Джейми пожал плечами. – Достаточно хорошо, – добавил он. – Они были не в восторге от идеи развода с их матерью, но это было восемь лет назад, и, я уверен, все уже в прошлом.

- А когда в последний раз вы виделись с вашей дочерью?
- На Рождество.
- Здесь, в Калузе?
- Нет, в Нью-Йорке. Я съездил туда, чтобы повидаться, и мы обменялись подарками. Все было очень славно.
- А с вашим сыном?
- Он обедал у нас в прошлый вторник вечером.
- Он ладил с вашей второй женой?
- Да, отлично.
- Как его зовут, сэр?
- Майкл.
- А где он живет?
- На катере. Он стоит у причала в Бухте Пирата.
- На Стоун-Крэб?
- Да.
- Он живет один?
- Нет, вместе с подружкой.
- Как ее зовут?
- Не знаю. Не приходилось с ней встречаться.
- А дочь как зовут?
- Карин.
- А вашу бывшую жену?
- Бетти.
- Позже мне понадобятся их адреса.
- Хорошо.
- Доктор Парчейз, как я понимаю, вас не было дома большую часть ночи. Верно?
- Да. Я играл в покер.
- Когда вы ушли из дому, сэр?
- Без двадцати восемь.
- Где проходила игра?
- На Уиспер-Кей.
- В чьем доме?
- У Арта Крамера. Хенчи-Пасс-роуд.
- Когда пришли гуда?
- Без чего-то восемь. На дорогах было мало машин.
- Вы ехали через мост Санта-Мария, не так ли?
- Да.
- Сколько было игроков?
- Семь.
- Мне понадобятся их имена. Я был бы признателен, если бы вы потом записали их для меня, доктор Парчейз. Имена и адреса.
- Все имена не назову: было несколько новых игроков.
- Тогда всех, кого знаете.
- Ладно.
- Доктор Парчейз, когда вы кончили игру?
- Без чего-то одиннадцать.
- Почему?
- Много проигрывал, игра не шла.
- И направились прямо домой, не так ли?

- Нет.
- Тогда куда же?
- Остановился пропустить стаканчик в баре «Наизнанку».
- Как долго вы там пробыли?
- Я ушел около половины первого. Может быть, немного раньше.
- Сколько стаканчиков вы там пропустили?
- Два.
- Когда вы туда прибыли?
- Около одиннадцати.
- А ушли в двенадцать тридцать?
- Чуть раньше.
- Встретили кого-нибудь из знакомых?
- Нет.
- Никого, кто бы мог вас опознать, а?
- Нет. Если только... Не знаю. Я сидел у стойки бара, возможно, бармен меня и запомнил.

Я на самом деле не могу сказать с уверенностью.

- Но вы лично с барменом не знакомы, так?
- Нет, не знаком.
- В котором часу вы вернулись домой, доктор Парчейз?
- Думаю, примерно без двадцати час.
- Когда подъехали, не заметили ничего необычного?
- Нет, ничего.
- Кого-нибудь видели на улице?
- Никого.
- Свет горел?
- Да.
- Это было в порядке вещей?
- Морин всегда оставляет свет включенным, когда меня нет дома.
- Как вы вошли в дом, доктор Парчейз? Через входную дверь?
- Нет. Я поставил машину в гараж и прошел к боковой двери. К двери на кухню.
- Дверь была заперта?
- Да.
- У вас свой ключ от нее?
- Да.
- Вы играете в покер каждое воскресенье?
- Каждое второе воскресенье.
- Это установившийся порядок, да?
- Да, более или менее. Иногда бывает, что игру приходится отменять, потому что не собирается достаточно игроков.

– Каждый раз играют одни и те же?

– Да, состав постоянный. Но если кто-нибудь из нас не может, есть список запасных игроков...

– Если вы не против, я бы хотел узнать имена и телефоны игроков прямо сейчас, – сказал Юренберг.

В тот момент, когда звонил Юренберг, молодой врач с санитаром выносили тело Морин, покрытое клеенкой. Через край носилок свешивалась кисть левой руки. На ладони и пальцах были глубокие порезы, безымянный палец рассечен почти до кости. Следом двое патрульных несли другие носилки. Дочерям Джейми было соответственно шесть и четыре года от роду. В последний раз я видел их живыми недели две назад, когда Джейми пригласил нас всем семей-

ством искупаться у него в бассейне. Малышка Эмили, которой было шесть лет, купаясь, поведала мне о том, что у ее приятеля на зубах скобки. Она поинтересовалась моим мнением по поводу скобок. Ничего страшного, ответил я, со временем снимут. Она, казалось, не поверила...

Прежде чем поднять трубку телефона, Юренберг обернул ладонь носовым платком, и только потом тупым концом карандаша набрал номер. Мне показалось это излишним, но, наверное, он знал, что делает. Он произнес в трубку:

– Мистер Крамер? С вами говорит детектив Юренберг из полицейского управления Калузы. Извините, что беспокою вас в такое время...

Двое патрульных тащили третьи носилки. Молодой врач и санитар «скорой помощи» направлялись обратно в спальню. Увидев носилки, они резко остановились. Врач выглядел раздраженным. Он покачал головой и снова вышел на улицу. Санитар спросил:

– Чем-нибудь помочь? – а патрульный, который шел первым, ответил:

– Нет, сами справимся...

Юренберг сказал по телефону:

– Я хотел спросить, сэр, был ли сегодня вечером у вас доктор Джейми Парчейз? Угу. Что ж, большое спасибо, сэр, я очень признателен. Благодарю вас, сэр, – повторил он и опустил трубку на рычаг, а носовой платок сунул обратно в карман. – Что ж, прекрасно, – обратился он к Джейми. – Доктор Парчейз, вы должны извинить меня за подобную проверку, но когда расследуется убийство, мы обязаны проверять все досконально. Полагаю, вы не собираетесь оставаться здесь на ночь?

– Такое и в голову не придет, – ответил Джейми.

– Дело в том, что по крайней мере до утра здесь будут люди. У нас еще много работы. Если вы не против, вам лучше переночевать где-нибудь в другом месте.

– Спасибо, – поблагодарил Джейми. – Пойду кое-что возьму.

Он направился было к своей спальне, но вдруг резко остановился. Тряхнув головой, он резко повернулся и вышел наружу. Я пошел за ним. Было десять минут третьего, когда мы покинули место преступления.

Глава 2

Я предложил Джейми переночевать у нас в комнате для гостей, но он сказал, что хочет побыть один: ему нужно время, чтобы хоть как-то прийти в себя. Я не заметил у него ни единой слезинки. Я ожидал слез, но их не было. Остановившись перед машиной, он вдруг сказал мне, что ему до смерти хочется выпить. Таким образом, вместо того чтобы повернуть налево в направлении аэропорта и вереницы небольших мотелей, вытянувшихся вдоль шоссе к северу, я повернул машину направо, надеясь отыскать открытый бар среди множества разбросанных тут и там вдоль Южного шоссе. Честно говоря, я сомневался в необходимости этого, но руки Джейми, лежащие на коленях, начали заметно дрожать.

Восточный край залива пунктирно обозначен ниткой шоссе № 41, более известного под названием Тамайами-Трейл. Мой напарник Фрэнк убежден, что «Тамайами» – это по-деревенски «На Майами». Возможно, он и прав. Если вы проследуете по автостраде 41 на юг, то в конце концов упретесь в шоссе Аллигаторов, которое пересекает полуостров Флорида и упирается в восточное побережье. Как раз теперь мы и продвигались на юг в поисках работающего бара, размышляя, не найдется ли хоть один такой на Уиспер-Кей. Неподалеку от пяти островков, но только три из них – Стоун-Крэб, Сабал и Уиспер-Кей – тянутся с севера на юг параллельно противоположному берегу. Фламинго и Люси служат мостиками, соединяя материк с островами Сабал и Стоун-Крэб. За ними простирается Мексиканский залив. Плывите, держа курс строго на запад от Калузы, – и в конце концов очутитесь в Корпус-Кристи, штат Техас.

Я высмотрел открытый бар сразу за торговым центром Кросс-ривер. Неоновая вывеска все еще горела, а у оштукатуренного фасада здания под разными углами стояло несколько машин. Но когда мы зашли внутрь, официантка в черной мини-юбке и белой блузке с глубоким вырезом сказала:

– Извините, у нас закрыто.

Она казалась слишком молоденькой и неопытной, чтобы подавать виски глубокой ночью. Бармен наливал новую порцию для одного из четверых мужчин, сидевших за стойкой. Официантка заметила мой взгляд и проговорила:

– Видите ли, они сидят уже давно. На самом деле, мы закрываемся.

В дальнем конце помещения двое юношей действительно переворачивали стулья вверх ножками и ставили их на столы, а третий уже подметал пол.

– А почему бы вам быстренько не обслужить нас – пока еще есть какое-то время до закрытия, а? – предложил я с улыбкой.

Официантку звали Сэнди. Так было написано белыми буквами на маленьком черном прямоугольнике из пластика, приколотом к ее блузке. Она неуверенно пробормотала: «Ну что ж...» – и посмотрела на бармена. Бармен философски пожал плечами, а затем кивком головы пригласил нас к стойке бара. Мы заняли места рядом с дверью, подальше от возбужденно о чем-то бормочущего телевизора. Показывали какой-то фильм. Что-то с Хэмфри Богартом. Я почему-то подумал, что юная официантка не имеет представления о том, кто такой Хэмфри Богарт.

– Что будете пить? – спросил бармен.

– Джейми?

– Бурбон со льдом.

– А мне девар⁵ с содовой.

Бармен кивнул. На экране телевизора Богарт говорил актрисе, которая мне была неизвестна, что она прекрасна, просто красавица. Джейми уставился на свои руки, лежащие на

⁵ Бурбон, девар – сорта американского виски.

стойке бара, так пристально, как будто взглядом хотел заставить их перестать трястись. Бармен приготовил напитки, Джейми сразу поднял свой стакан и одним глотком осушил половину. И вот тут-то и хлынули слезы.

Я обнял его одной рукой.

– О, Господи, Мэтт, – всхлипывал он. – Я никогда... Я никогда не видел... О, Господи!

– Успокойся, – сказал я.

– Столько... крови, о, Господи! Все стены залиты... Наверное, она хваталась за них... как в клетке... как будто пытаюсь выбраться из проклятой клетки! Заточенная вместе с...

– Что поделаешь теперь, – успокаивал я. – Что поделаешь, Джейми, ну же, идем!..

Посетители, сидевшие за стойкой бара, казалось, оцепенели, уставившись в телевизор. Один бармен повернул голову и посмотрел на Джейми. Я продолжал успокаивающе похлопывать Джейми по плечу, а он все плакал и плакал, пытаюсь подавить рыдания. Наконец он вытащил носовой платок, вытер глаза и высморкался. Он поднял стакан с виски, допил и сделал знак бармену повторить. Наполняя стакан, бармен продолжал с любопытством следить за Джейми. Даже отойдя к противоположному концу стойки, время от времени он поворачивал голову и кидал на Джейми взгляд-другой.

– Что меня поразило, так это ярость, с которой все это совершалось, – рассказывал Джейми. – Тот, кто это сделал, – он просто полосовал... Господи, Мэтт, когда я зашел внутрь, я... Господи!..

– Ну-ну, успокойся, – проговорил я.

– Сколько крови!.. – сказал он и снова начал всхлипывать.

– Ну-ну, Джейми.

– Она... знаешь... она была моей второй попыткой. Я имею в виду, сколько попыток в жизни выпадает. Подумай сам, сколько мне еще осталось? Сорок шесть! Так сколько мне еще осталось – лет тридцать? Никогда не получается так, как хочется, правда? Измени свою жизнь, заведи новую семью – все равно не получится так, как надеешься! Это была моя вторая попытка. Предполагалось, что последняя.

Я был знаком с Джейми три года. Конечно, мне было известно, что Морин была его второй женой. Я знал также, что она являлась дипломированной медицинской сестрой и работала вместе с ним в Калузе. Как раз недавно я проверял у него списки пенсионного фонда и обнаружил в старых записях имя Морин О’Доннел. Она проходила как средний медперсонал. Более того, вскоре после их свадьбы фонд выплатил в общей сложности шесть тысяч долларов в пользу Морин О’Доннел Парчейз по окончании срока ее найма. Я понял, что у них был служебный роман, который привел Джейми к разводу и последующей женитьбе. Однако мне были не известны подробности их взаимоотношений, и я никогда ими не интересовался. Доведительные рассказы об интимных подробностях – это та форма мужского общения, которая мне не по вкусу.

Поэтому я чувствовал себя несколько неловко, слушая рассказ Джейми о личных делах, о которых в любом другом случае он бы умолчал. Бармен смотрел телевизор, но что-то в напряженной посадке его головы подсказало мне, что он с жадностью ловит каждое слово, произносимое Джейми. На другом конце комнаты один из юношей, ставивших стулья на столы, произнес что-то по-испански, и тогда тот, кто подметал пол, рассмеялся. Смех был тихим, и в нем слышался перебор гитарных струн, шелест вееров и шорох черных шелковых мантилий.⁶ Официантка взглянула на часы. Уже не осталось никого из посетителей. Я подумал, почему это она не уходит домой, потом догадался, что она ждет бармена.

– Я влюбился сразу же, как только ее увидел, – продолжил Джейми и снова высморкался. – Я понял, что это – второй шанс, Мэтт. Первый мой брак умер в первый же день. Морин

⁶ Мантилья – большая испанская шаль.

вошла в мой кабинет, ее прислало бюро по найму, так как прежняя медсестра забеременела и была вынуждена уволиться. Она вошла, и, Господи, я в жизни не видел зрелища более прекрасного. Я понял: вот оно, счастье! Я должен обладать ею. К этому времени я уже почти шесть лет крутил с другими женщинами, но это было нечто другое, это было... я не знаю. Я никогда не верил в такое, но вот оно случилось.

Я подал знак бармену повторить. Пить не хотелось, но я надеялся, что пауза в разговоре направит мысли Джейми в ином направлении. Мне почему-то было не в состоянии слушать его. Еще когда я жил в Чикаго, мне приходилось встречать мужчин, прогуливающих по бульвару Мичиган и разговаривающих с собой. Большие города часто действуют на людей подобным образом. Как только вы оказывается низведены до уровня никому не ведомого маленького человека, никого не озадачит, что вы бродите туда-сюда и произносите страстные монологи. Если кто-то и обратит на вас внимание, так просто покачает головой и скажет: «Псих». Однако на самом деле это никакой не псих, а обыкновенный безымянный неудачник бредет, размахивая руками, и в одиночестве беседует сам с собой. Сейчас Джейми был похож на такого. Вроде бы он разговаривал со мной, и с виду это выглядело как диалог. Но больше это смахивало на монолог, который всплывал откуда-то из глубин его подсознания, как будто жестокое убийство лишило его существо имени, а удар трагедии наградил его разум свободой и забвением.

У меня возникло такое чувство, будто я подслушиваю.

– Моя первая жена была фригидна... По-моему, я тебе об этом рассказывал, – сказал он.

В шаге от него бармен наливал виски в мой стакан, живо интересуясь рассказом Джейми. Джейми, казалось, этого не замечал. Я неодобрительно посмотрел прямо в глаза бармену. Он отвернулся и направился туда, где Богарт все еще беседовал с коротко постриженной брюнеткой.

– Она четыре года ходила на сеансы к психоаналитику. Погоди, по-моему, даже пять. Да. К какой-то женщине в Тампе. Знаешь, в таких случаях начинаешь думать, что все это по твоей вине... Понимаешь, что я хочу сказать? Начинаешь думать, что сам ты все делаешь неправильно, а она лежит, как, понимаешь, как... – Вдруг он осекся. Мне показалось, что он хотел сказать «как труп». Он покачал головой, отхлебнул глоток из стакана и снова поставил его на стойку. – Как-то она пришла домой около шести вечера. Может, чуть позже. Я забыл, в какое время у нее были сеансы. Полчетвертого, четыре – что-то около этого. Она вошла вся сияя. На часах шесть часов. Взяла меня за руку и повела в спальню. Это произошло десять лет назад, так что она на несколько лет опоздала со своим драгоценным оргазмом. К этому времени я уже переспал с половиной ее близких подруг и у меня была связь с Морин. Да, на несколько лет опоздала моя дражайшая женушка со своим великолепным оргазмом... Было слишком поздно...

Как раз в прошлом месяце я разговаривал по телефону с его бывшей женой. Они все еще владели совместно клочком земли в Сарасоте, и на этот раз им за него предложили цену на десять тысяч выше той, что была определена при разводе. Бетти Парчейз поначалу согласилась, а потом вдруг передумала, когда Джейми не послал ей очередной месячный чек на уплату алиментов. Тогда я еще не знал, что у Джейми лопнуло терпение и он не думал теперь платить ей вообще ни цента. Он упомянул об этом вскользь только после моего разговора с ней. Позже я сообщил ей по телефону, что если она не согласится на сделку, то агент по продаже недвижимости будет вправе возбудить против нее дело о комиссионных. Она сорвалась на крик: «Пошел ты вместе со своим агентом!..» Я предупредил ее, что мой клиент твердо решил заключить сделку, и если она не выполнит прежнее обещание, то я возбужу дело о раздельной продаже. «Давай возбуждай, Чарли!» – процедила она и повесила трубку.

– Я встретил Бетти в Калифорнийском университете, в Лос-Анджелесе, – продолжал Джейми. – Тогда я сдавал экзамены на медицинскую степень, она училась на последнем курсе. Ты ведь знаешь моего сына Майкла...

– Да, конечно.

– Он похож на свою мать, черные волосы, карие глаза. Карин другая, она блондинка, как и я, но Майкл просто копия своей матери. Сразу можно сказать, чей это сын. Развод его ошеломил. Он признался мне как-то ночью, рыдая в моих объятиях, что уверен, будто я лгал ему всю жизнь. Он вспоминал, что когда мы с матерью ссорились и он спрашивал, не собираемся ли мы разводиться – а он задавал такие вопросы, даже когда был от горшка два вершка, – мы всегда ему отвечали: «Нет, что ты, люди обычно ссорятся, это как раз хороший признак, Майк. Люди, которые не ссорятся, на самом деле не любят друг друга». Я сам привык верить в это, Мэтт, но это все дерьмо, уж это я тебе говорю точно. У тех, кто никак не может ужиться друг с другом, что-то наверняка не так.

Он вздохнул, осушил стакан и сделал знак бармену повторить. Бармен обходил бар, рассчитываясь с посетителями. Стулья стояли на столах, пол был подметен, фильм с Богартом закончился. Официантка в короткой юбке нетерпеливо постукивала каблукочком.

– Нам потребовалось восемнадцать месяцев, чтобы прийти к соглашению о разводе, – продолжал Джейми. – Восемнадцать месяцев! Ты можешь в это поверить? Она получала двести тысяч алиментов. Я врач, Мэтт, а не миллионер. Она получила все, что я когда-либо заработал. Сразу же после развода она отослала Майкла в военное училище. Двенадцати лет от роду она отослала его прочь. Училище ведь в Вирджинии. Он даже не присутствовал на моей свадьбе. Я не мог вытащить его из этого проклятого училища даже на уик-энд. Могу поспорить, Бетти нарочно отослала его – ради того, чтобы я не мог с ним часто видеться. Она была одержима идеей восстановить против меня детей, во что бы то ни стало заставить их возненавидеть своего отца за тот поступок, который он совершил. И она преуспела в этом.

Однажды я слышал, как Карин и Майкл разговаривали между собой – это было на Рождество. Майкла отпустили домой из этого чертова концентрационного лагеря, и дети проводили вечер с нами. Бетти отпустила их – после того, конечно, как они уже отметили праздник у себя дома. Было примерно три или четыре часа дня. Она всегда поступала так. Держала детей при себе, не забывая напоминать им какое чудовищное преступление я совершил. Морин и я жили в маленьком домике на Стоун-Крэб, к тому времени мы ждали Эмили, это было семь лет назад.

Джейми на минуту умолк, а потом продолжил:

– К дому была пристроена веранда. Она нависала прямо над пляжем. При высоком приливе вода подступала к сваям, и дом начинал едва заметно подрагивать под ударами волн. В этом доме простыни никогда не удавалось сохранить сухими, все всегда было влажным. Дети спиной ко мне сидели на веранде и смотрели на океан. Наверное, они не заметили, как я открыл стеклянную дверь, я услышал голос Майкла: «Ты видела, какое ожерелье он подарил Златовласке?» – и понял, что он говорит о Морин. Так ее прозвала Бетти. Златовласка. И конечно, дети тут же подхватили. В голосе Майкла было столько горечи!..

Прямо перед ним стоял бармен; Джейми поднял было стакан, чтобы его снова наполнили, но вдруг осознал, что хозяин ждет платы, моргнул, повернулся на стуле, оглядел бар, приходя в себя от воспоминаний, и когда я расплачивался, он уже опять плакал.

Я повел его к машине. Ночь была по-прежнему душной и влажной. Я открыл дверцу, и он уселся, уставясь в ветровое стекло и сложив руки на коленях. Я вывел машину со стоянки и продолжил путь на север. В этот час на дороге почти не было машин.

– Джейми, – сказал я, – полиция захочет удостовериться, куда ты отправился после игры в покер. Ты уверен, что это был бар «Наизнанку»?

– Уверен, – ответил он.

– Потому что если это не так...

– Я отправился туда, Мэтт. Можешь не волноваться.

– Отлично, – отозвался я.

- А мне надо было идти прямо домой... – пробормотал он.
- Не думай об этом, Джейми.
- Я так же виноват, как...
- На тебе никакой вины. Прекрати! Ты, как обычно, отправился играть в покер...
- Но я рано закончил...
- У тебя же не было причин думать, будто что-то случится.
- Я должен был идти домой, – повторил он.
- А вместо этого ты заехал выпить, и в этом нет ничего плохого.
- Ты мне не веришь, да? – спросил он и резко повернулся на сиденье.
- Верю, Джейми.
- Тогда почему ты снова спрашиваешь, куда я поехал?
- Потому что полиция...
- Полиция об этом даже не заикнулась. Я рассказал им, куда я направился, и на этом все закончилось. А вот мой собственный адвокат...
- Очнись, Джейми. Нельзя же надеяться на то, что они не станут ничего проверять!.. Ты оставил игру в покер без чего-то одиннадцать, а домой вернулся около часа ночи. Повисли два часа. И полиция просто так не пройдет мимо этого. Помнишь, Юренберг спрашивал, сколько стаканчиков ты пропустил...
- Он пытался выяснить, не был ли я пьян. В этих местах, если ты выпивши...
- Нет, не так. Потому что следующее, о чем он тебя спросил, это сколько времени ты пробыл в баре «Наизнанку». Почти полтора часа – так ты ему ответил. С одиннадцати до двенадцати тридцати. И за все это время всего пару стаканчиков. Вот что он пытался выяснить, Джейми.
- Ну так что? Если я пропустил всего пару – я что, должен был солгать? Сказать, что выпил четыре?
- Нет, конечно. Просто имей в виду, что Юренберг держит тебя на подозрении. Он будет придерживаться этой версии, пока точно не выяснит, где ты провел время с одиннадцати до часу.
- Я ему уже сказал где.
- Да, и он это постарается проверить.
- Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь там меня запомнил. В баре было полно народу, и я...
- В субботу, в одиннадцать вечера?
- Там всегда битком, Мэтт.
- Откуда ты знаешь?
- Бываю там. Хорошая кухня, вот и много народу.
- Ты не знаком с владельцем заведения?
- Нет.
- А в лицо он тебя не знает?
- Вряд ли. Вполне возможно, но не уверен.
- Юренберг, вероятно, попросит у тебя фотографию. Ему понадобится что-то, что можно будет показать хозяевам, бармену, кассиру – всем, кто тогда был. Дай ему хорошую...
- Почему бы и нет?
- Повторяю, держит тебя на подозрении, Джейми. Поэтому выбери хорошую фотографию. Нужно, чтобы кто-нибудь вспомнил, что ты там был. Иначе он вернется с кучей вопросов.
- Меня это не волнует.
- Хорошо, – сказал я.
- Ты все время твердишь «хорошо», а сам продолжаешь возвращаться к одному и тому же! Где же, черт побери, ты думаешь, я был, Мэтт!
- Там, где ты сказал.

– Тогда зачем ты продолжаешь расспрашивать меня?

– Потому что... Слушай, Джейми, я не полицейский. Я адвокат. Я знаю наверняка, когда кто-нибудь уклоняется от ответа. Когда Юренберг спросил тебя, не было ли у тебя или Морин интрижек на стороне, ты ведь ему не ответил. Возможно, он не обратил внимания, но я-то этого не пропустил.

– Я ответил на его вопрос, Мэтт.

– Нет, не ответил. Ушел от ответа. Ты только сказал, что ваш брак был счастливым, а это не ответ на вопрос.

– Если даже я не ответил на него...

– Так и было.

– То ненамеренно.

– Ладно, пусть ненамеренно. Тогда, может, сейчас ответишь? Мне? Своему адвокату, который хочет тебе помочь?

– Я расскажу все.

– Отлично. Тогда напрямик. У тебя есть подружка?

– Нет.

– Ты говорил, что погуливал, когда был женат первый раз.

– Да, но...

– Это может стать привычкой, Джейми.

– Вовсе нет, если ты изменил ради кого-то всю свою жизнь. Не думаешь же ты, что я рискну счастьем только... только для ого, чтобы где-то на стороне...

– Об этом я и спрашиваю, Джейми.

– Ответ отрицательный.

– Как насчет Морин? Был у нее другой мужчина?

– Нет. Я не знаю. Не думаю. Послушай, или ты полностью кому-то доверяешь, или совсем не веришь.

– А ты ей полностью доверял, так?

– Да, Мэтт, полностью.

– Хорошо, – сказал я.

Я продолжал вести машину, пока не увидел табличку, извещавшую о наличии свободных мест. Местечко именовалось мотелем «Сад магнолий» и было крошечным и безликим, но я не думал, что в разгар сезона без предварительного заказа удастся найти что-нибудь получше.

– Как ты, справишься? – спросил я.

– Да, – ответил он. – Спасибо за все, Мэтт.

– Я позвоню утром. Если что-нибудь понадобится, даже просто поговорить, звони.

– Спасибо, – он пожал мне руку.

Я повернул к дому, проехав через мост к Стоун-Крэб. Дул бриз. Я все никак не мог отвязаться от мысли, что не до конца поверил Джейми.

Глава 3

Когда я добрался домой, было около трех ночи. Я сразу же прошел в кабинет, включил настольную лампу и позвонил своему партнеру Фрэнку. Когда я рассказал ему, что произошло, первое, что он произнес, было:

– О, Господи! – и тут же последовал вопрос: – А что же Джейми?

– Он все отрицает, – сказал я и потом передал рассказ Джейми. Фрэнк посоветовал мне выспаться и сказал, что увидится со мной утром. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я повесил трубку. Какое-то время я сидел у стола, так и оставив руку на телефоне, потом выключил свет, поднялся и прошел через холл в спальню.

Сьюзен спала.

Я бесшумно проскочил в ванну и включил свет, оставив дверь приоткрытой настолько, что полоска света падала в комнату, но кровать при этом оставалась в тени. У меня не было никакого желания будить ее. Когда позвонил Джейми, мы как раз ссорились, я даже готов был просить у нее развод.

Начало ссоры было положено за двенадцать часов до звонка, днем, когда мы ехали на финал «Вирджиния Слимз». ⁷ Предполагалось, что соревнования начнутся в час дня, поэтому мы выехали из дому без двадцати час, что, в общем-то, было в обрез, учитывая воскресный день и разгар туристского сезона. В Калузе только два сезона: летний и туристический. Старым добрым летом здесь никого не бывает, кроме ошалевших собак и англичан. И меня. В сезон же большинство туристов приезжают со Среднего Запада. Это оттого, что если вы прочертите прямую линию из Колумбуса, штат Огайо, строго на юг, то она пройдет точно через центр Калузы. Фрэнк утверждает, что Калуза на самом деле представляет собой филиал штата Мичиган на берегу Мексиканского залива. Возможно, он прав.

Ссора началась из-за того, что моя дочь Джоанна задала свой дурацкий вопрос в тот самый момент, когда я пересекал шоссе Кортеса. Я был за рулем и вел машину Сьюзен, а в ней чувствую себя всегда неловко. Сьюзен – единственный ребенок в семье. А у детей, как известно, очень развито чувство собственности. «Мерседес-бенц» принадлежал Сьюзен. У меня был «карлэн-гайа». Сьюзен ревниво оберегала свое имущество, особенно «мерседес-бенц», который – могу прямо об этом сказать – стоил семнадцать тысяч долларов с хвостиком.

Часы на панели управления показывали двенадцать сорок семь (я помню, как посмотрел на них, потому что мы опаздывали, а я не знал, каким по счету будет матч Эверт – Гулагонг, ⁸ и мне никак не хотелось пропустить первую подачу), когда моя дочь Джоанна спросила, так ли уж ей необходимо идти с нами сегодня вечером слушать Мстислава Ростроповича. Калуза – город высокой культуры. Ни с того ни с сего город во Флориде не назовут Афинами. Хотя на самом деле никто его так и не называет, кроме Фрэнка. Он родом из Нью-Йорка. Когда он называет Калузу Афинами во Флориде, то в глазах у него вспыхивает иронический блеск, а губы презрительно кривятся.

– Ростропович – величайший виолончелист, – заметил я Джоанне.

– Как-то раз вы уже брали меня на концерт величайшего скрипача, – напомнила Джоанна, – а я заснула.

В том, о чем говорила Джоанна, не было вины Исаака Стерна. Когда человеку двенадцать лет от роду, все, кроме бесконечных повторений популярного шлягера «Я люблю Люси», нагоняет на него сон. Кроме того, мистеру Стерну пришлось играть в атмосфере непрерывного

⁷ «Вирджиния Слимз» – крупный теннисный турнир среди женщин.

⁸ Крис Эверт, Ивонн Гулагонг – знаменитые американские теннисистки.

кашля и нескончаемого чихания, что поначалу заставило его резко изменить программу концерта, а потом мягко упрекнуть публику в повальной эпидемии простуды. Когда мы в тот вечер вышли из зала, я вздохнул о том, что нам вряд ли придется еще когда-либо увидеть Исаака Стерна в Калуге. Сьюзен тогда спросила: «Почему?», а я ответил: «Потому что публика была не очень-то вежлива».

– Грубо с твоей стороны все время подчеркивать огрехи публики, – сказала Сьюзен. – Это просто пожилые люди.

– Это невоспитанные пожилые люди, – возразил я. – Лично я скорее бы умер от удушья, чем кашлянул посередине скрипичного пассажа.

– Лично я не была бы против, если бы это случилось, – огрызнулась Сьюзен.

Думаю, память о ссоре по поводу Исаака Стерна зажгла ссору «Вирджиния Слимз». Последние месяцы я взял себе в привычку систематизировать наши многочисленные и разнообразные битвы, чтобы потом на досуге вспоминать самые выдающиеся. Конечно, тогда я еще не знал, что ссора «Вирджиния Слимз» перерастет в ссору «Бифитер Мартини», а позже в ссору «Реджинальд Соумс» и, наконец, в ссору «Джеймс Парчейз», которую я буду вспоминать всю свою жизнь, хотя телефонный звонок в час ночи и оборвал ее разом... Но пока не наступил даже час дня, когда Сьюзен сказала:

– Может, ты не будешь обсуждать это прямо сейчас?

– Обсуждать что? – поинтересовался я.

– Должна или не должна Джоанна идти с нами на концерт. Мы опаздываем и...

– Не так уж и опаздываем, – заметил я.

– Ладно, только следи за дорогой, хорошо? – попросила она.

– Как бы то ни было, я ничего не могу поделать, кроме как идти в потоке. Эта машина, может, и стоит семнадцать тысяч долларов, но крыльев у нее нет.

– С хвостиком, – подсказала Сьюзен. – Ты забыл добавить «с хвостиком».

– С хвостиком, – согласился я.

– Просто води машину, – сказала она, – хорошо?

– Нет, это ты просто води машину, – взорвался я, рванул вверх ручной тормоз у светофора при выезде на шоссе № 41, вышел из машины и обошел ее с другой стороны. Снова забравшись внутрь, я с грохотом захлопнул дверцу.

– Не понимаю, из-за чего ты так раскипятился, – удивилась Сьюзен.

– Ничего подобного, – возразил я. – Просто раз тебе не нравится мой стиль вождения, садись за руль сама. Вот и все.

– Я не люблю водить машину, когда у меня беда, – сказала Сьюзен.

Ей было тридцать два, а она все еще называла свой менструальный цикл «бедой». Мне кажется, эти ее слова подразумевали отказ от половых сношений. «Беда» означала не столько кровотечение, сколько перерыв в ее бурной и страстной сексуальной жизни. Действительно, в Сьюзен всегда ощущалась скрытая чувственность. Темные задумчивые глаза, овальное лицо, обрамленное каскадами длинных каштановых волос, которые, струясь, спадали на ее плечи, полный чувственный рот, который намекал – и не всегда безосновательно – на образ испорченной дерзкой красавицы...

Мы вернулись тогда домой около половины шестого. Сьюзен дулась почти весь день, но, казалось, после того, как она приняла душ и переоделась к обеду, ее раздражение иссякло. Было решено: раз Джоанна не в состоянии оценить лучшее, что есть в жизни, пусть остается дома.

Она воскликнула:

– Вот и отлично! Значит, я смогу посмотреть по телевизору «Звуки музыки».⁹

⁹ «Звуки музыки» – музыкальный фильм с Джуди Гарленд в главной роли.

– Если бы ты пошла с нами, – заметил я, – то могла бы наслаждаться подлинными звуками музыки.

Ссора «Бифитер Мартини» разразилась, когда я налил себе вторую рюмку перед обедом.

– Надеюсь, ты не собираешься выпить подряд две рюмки этой гадости? – спросила Сьюзен.

– Именно это я и собираюсь сделать, – ответил я.

– А знаешь, каким ты становишься после двух мартини?

– Каким же?

– Мутным!

У Сьюзен была идея фикс, что я не опьянею, если выпью, к примеру, два виски с содовой или два все равно чего с содовой, но обязательно захмелею, буду еле ворочать языком и стану мутным и невыносимым (это все словечки Сьюзен) после двух мартини, особенно если это два мартини «Бифитер». Волшебное слово «Бифитер» каким-то образом, по ее мнению, усиливало воздействие алкоголя.

– Сьюзен, – предложил я, – давай отобедаем без ссор, а?

– Давай, если ты не будешь пить, – сказала Сьюзен.

– Но днем мы уже поссорились, – возразил я, – хотя я не пил.

– Наверно, ты выпил перед нашим выходом из дому.

– Сьюзен, ты прекрасно знаешь, что я ничего не пил перед выходом. Что ты пытаешься доказать? Что я...

– Тогда почему ты вышел из себя, когда я всего-то-навсего попросила тебя получше следить за дорогой?

– Я вышел из себя, потому что Джоанна задала мне вопрос и я пытался...

– За что было так набрасываться на меня?

– Я набросился на тебя, потому что ты меня все время пилила. И сейчас пилишь! Если человек пропустил пару мартини перед обедом...

– Но это же «Бифитер»! – возразила она.

– Да, верно, «Бифитер», но из этого не следует, что он алкоголик.

– Из-за него ты будешь мутным и испортишь мне весь вечер! – проговорила Сьюзен.

– Он уже испорчен, – огрызнулся я.

Сьюзен уснула, когда Ростропович исполнял не что иное как «Шуточную», Опус 102, из сборника Шумана «Пять музыкальных пьес на народные мотивы». Я ничего не сказал по этому поводу. В антракте мы не обменялись ни единым словом. По пути домой тоже.

Когда мы вернулись домой, Джоанна еще не спала, хотя должна была лечь полчаса назад.

– Уже пол-одиннадцатого, – заметил я, кивнув на часы.

– Знаю, – сказала она.

– Ты приготовила уроки?

– Да, – ответила она, – но мне надо разобраться с этой бумагой из клуба любителей грампластинок.

– Что за клуб?

– Любителей грампластинок. В котором я состою.

– О, конечно, – сказал я. – В котором ты состоишь...

– Поможешь мне заполнить эту штуковину?

– Завтра, – зевнул я.

– Пап, но она должна шестого уже вернуться.

Она пошла в свою комнату и возвратилась, держа в руках почтовую карточку. Я внимательно изучил ее и вернул ей обратно.

– Здесь говорится, что карточка должна быть только отправлена шестого числа, – сказал я.

– Где это говорится?

– Вот здесь.

Джоанна посмотрела на карточку.

– Да, – сказала она. – Да, действительно.

– Завтра только первое число. У нас полно времени.

– Отлично, папочка, – сказала она и поцеловала меня на ночь. – Мама? – обратилась она к Сьюзен.

– Да? – отозвалась Сьюзен.

– Спокойной ночи, мама.

– Спокойной ночи, – сказала Сьюзен. Она была уже в постели. Джоанна подошла, наклонилась и поцеловала ее в щеку.

– Спокойной ночи, – повторила она и вернулась в свою комнату.

Я молча разделся и выключил свет с моей стороны. Сьюзен неподвижно лежала рядом со мной. Я знал, что она не спит, потому что дыхание ее было прерывистым и время от времени она тяжело вздыхала. Наконец произнесла:

– Что происходит, Мэттью?

– О чем ты?

– Почему мы все время ссоримся?

– Ты постоянно заводишься, Сьюзен.

– Это неправда.

– Ты затеяла ссору по пути на теннисный турнир...

– Это ты сорвался.

– Потому что ты без конца дергала меня по поводу того, как я веду машину.

– Но ты сам говорил, что не хочешь опоздать.

– Мы и не опаздывали.

– На улице машин невпроворот, а ты совсем не следил за дорогой, разговаривал с Джоанной.

– Мы начинаем все сначала.

– Но это правда, Мэттью. Ты отвлекаешься и не отвечаешь за свои действия.

– Сьюзен, ты принимаешь меня за кретина, который не в силах завязать шнурки на ботинках.

– У меня нет сил больше ссориться.

– Тогда прекрати, будь так любезна, все это. То я, видите ли, не могу одновременно разговаривать и вести машину, то мне не следует выпивать два martini перед обедом, то я не должен...

– Ты действительно слишком много пьешь.

– Когда в последний раз... не будешь ли ты так добра сказать мне, когда в последний раз... можешь ты сказать мне, видела ты меня хоть раз пьяным или хотя бы...

– Ты становишься мутным, – перебила Сьюзен.

– Сьюзен, я пью меньше, чем кто бы то ни было из моих знакомых. Старый Регги по соседству...

– Мистер Соумс – пьяница.

– Об этом я и говорю. А я не пьяница, и даже не любитель выпить. Что происходит, можешь ты мне сказать? У нас что, как в «Газовом свете»¹⁰ или как? Ты пытаешься доказать мне, что я пьяница, потому что я выпиваю два martini перед обедом? Или же ты пытаешься склонить меня к пьянству, а, Сьюзен? Сьюзен, ты ведь сама пропустила два стаканчика перед

¹⁰ «Газовый свет» – детективный фильм с Ингрид Бергман и Шарлем Буайе в главных ролях.

обедом, ты знаешь об этом? Ты пропустила два стаканчика, Сьюзен, я сам посчитал. Ты выпила два «Манхэттена», Сьюзен. И во время концерта заснула...

– Я не спала, – возразила она. – И пожалуйста, не уклоняйся от темы.

– Сьюзен, ну ответь, ладно? Ты думаешь, что я пьяница? Ответь.

– Я не думаю, что ты пьяница.

– Прекрасно, в таком случае...

– Просто ты слишком много пьешь.

– Что означает «слишком много», Сьюзен?

– Два martini марки «Бифитер» – это слишком много.

– О, Господи! – воскликнул я.

– Говори тише, – сказала она. – Все окна открыты.

– Тогда закрой окна и включи кондиционер, – потребовал я.

– Кондиционер сломан, – сказала она. – Или ты это тоже забыл?

– Все правильно, у меня никудышная память, – заметил я. – Вот почему я такой никчемный адвокат. Я всегда забываю, что говорил свидетель минуту назад.

– Никто не утверждал, что ты никудышный адвокат.

– Нет, просто у меня паршивая память.

– Но ты ведь забыл про кондиционер, не так ли?

– Я думал, ты уже позвонила насчет кондиционера.

– Да, позвонила, но придут ремонтировать его только в воскресенье. Если бы ты уделял больше внимания тому, что происходит в доме, то знал бы, что чинить его еще не приходили.

– А я думал, приходили, но я тогда выходил покупать «Таймс».

– Стали бы мы открывать все окна, вместо того чтобы включить кондиционер? Если бы его отремонтировали...

– Откуда мне знать? Может, тебе хочется, чтобы старина Регги услышал, как мы все время ссоримся. Может, ты спишь и видишь, как бы у него произошла закупорка сосудов от расстройства из-за нас.

– Мне не нравится, как ты говоришь о мистере Соумсе. Он славный старик.

– Он старый пердун, – рявкнул я, вылез из кровати и двинулся в гостиную.

Я размышлял, а не поставить ли пластинку с квартетом «Джаз-модерн». Иногда я ставил эту пластинку, включая проигрыватель на полную громкость, – просто чтобы досадить старине Регги, живущему по соседству. У Регги кавалерийские усы. Он ходит с тростью и тычет ею в ящериц. Таким же образом он попытался ткнуть ею и в нашего кота Себастьяна. Себастьян гораздо более приятный товарищ, чем Реджинальд Соумс. Когда бы я ни ставил квартет «Джаз-модерн» на полную громкость, кот Себастьян вытягивался на полу гостиной точно посередине между двумя колонками. Он закрывал глаза. Уши у него подергивались в такт ритму, что доказывало, сколь тонким ценителем он был! А старина Регги был просто старым пердуном. Когда я ставил квартет «Джаз-модерн» – мне он даже не особенно нравится, и я ставил его, просто чтобы досадить старине Регги, – он выходил со своей тростью и орал своим хриплым от чрезмерного употребления виски голосом: «Не слишком ли громко, юноша? – а потом неизменно интересовался: – Что это еще за дерьмо?» И я каждый раз ему отвечал, что это Моцарт. «Моцарт? – переспрашивал он. – Моцарт, да?»

Я уже давно понял, что Реджинальд Соумс был печальным и безвредным одиноким стариком, которому крупно не повезло, что он оказался соседом людей, чей брак неуклонно распадался. Я задумался над этим. Я размышлял по поводу двух существ, которые только и были мне дороги в этом браке – моей дочери Джоанны и кота Себастьяна. Я уже направлялся в спальню, чтобы высказать Сьюзен все, что накопилось на сердце, сказать ей наконец, объяснить, что я хочу развестись, растолковать ей, что она может оставить себе дом и обе машины, и катер,

и счет в банке, и коллекцию грампластинок, и пианино, на котором никто никогда не играл, если только она позволит мне забрать с собой Джоанну и кота.

И вот тут-то и зазвонил злосчастный телефон.

Звонил Джейми Парчейз, чтобы сообщить мне о зверском убийстве его жены и двоих детей.

Сейчас, в начале четвертого утра, когда я откинул одеяло на своей стороне и улегся рядом со Сьюзен, моим единственным желанием было, чтобы она не просыпалась. Я был вымотан, истощен, измучен, и у меня не осталось ни чувств, ни мыслей. Задолго до ссоры, до телефонного звонка от Джейми, я поставил будильник на семь утра. По понедельникам в восемь часов я играю в теннис с Марком Голдменом. Он был на двенадцать лет старше меня, а играл в двенадцать раз лучше. До семи часов оставалось всего четыре часа. Я попытался составить план действий. Может быть, позвонить Марку в три часа утра и сообщить, что не смогу сыграть с ним в теннис сегодня утром? А может, оставить будильник заведенным и позвонить ему, как только проснусь? Или спать до тех пор, пока Марк не позвонит из клуба, чтобы выяснить, где меня черти носят? Но я слишком устал, чтобы думать, и просто оставил будильник заведенным на семь часов. Осторожно я вытянулся под простыней. У меня было ужасное, кошмарное предчувствие: если Сьюзен проснется, первое, что она скажет, будет: «И вот еще что...»

Она пошевелилась. Потом перекатилась в мои объятия. Мы оба были обнажены. Мы спали обнаженными с самого начала, уже тринадцать лет. Конец чуть не грянул два часа назад, когда я готов был высказать ей все. А сейчас... Ее тело было теплым. Она положила руку мне на правое плечо. Я знал эту женщину с тех пор, как ей исполнилось девятнадцать. Так что же такое случилось, если я готов развестись с ней? Я пока еще не сказал ей, но готов к этому.

Глава 4

Я проснулся в шесть тридцать, лежал и послушал щебетание кардинала¹¹ за окном. Потом вылез из кровати, стараясь не разбудить Сьюзен, накинул халат и направился в кухню. Джоанна сидела за столом, уплетая кукурузные хлопья и читая при этом газету.

Я был не так глуп, чтобы обращаться к ней, когда она читает. Тем более, когда завтракает. Джоанна не расположена к утреннему общению. Мне удавалось поговорить с ней до девяти утра, только когда она была совсем крошкой. Сьюзен и я вставали по очереди, чтобы покормить ее рано утром. Я держал Джоанну в объятиях и нашепывал всякие нежные глупости, в то время как она поглощала нечто наверняка несъедобное. Вкус Джоанны мало изменился. Она любила, чтобы хлопья были размокшими, и полными ложками отправляла их в рот, не отрывая глаз от последних приключений «Ужасного Хагара».

– Доброе утро, – поздоровался я, и в ответ она буркнула:

– Угу.

Я подошел к холодильнику и достал пакет с апельсиновым соком.

Накануне я сам выбрал и выжал апельсины. Старина Регги, увидев, как я их выбираю, спросил, не собираюсь ли я выжать их все сразу. Я ответил, что именно это и собираюсь предпринять. Он заметил, что лучше выжать то количество, которое сразу выпьешь. Так они приносят больше всего пользы, да и свежавыжатый сок более вкусен. Он так и выразился – свежавыжатый. Я ответил, что у меня нет времени каждое утро выжимать свежий сок. И добавил, что стараюсь выжать в субботу или воскресенье столько апельсинов, чтобы хватило на всю неделю. Старина Регги покачал головой и ткнул тростью в подвернувшуюся ящерицу. В следующий раз, как я его увижу, я должен буду извиниться. Не за то, что выжимаю больше апельсинов, чем могу в один присест съесть, и не за квартет «Джаз-модерн». Только за то, что вымещаю на нем все, что выводит из себя.

– Что такое было ночью? – спросила Джоанна.

Сначала я подумал, что она имеет в виду нашу со Сьюзен ссору. Она, без сомнения, слышала, как мы пререкались друг с другом. Потом до меня дошло, что она говорит о ночном телефонном звонке. Я не знал, что сказать. Ну как расскажешь двенадцатилетнему ребенку, что три человека, которых она знала и, возможно, любила, минувшей ночью заколоты насмерть?

– Пап? – спросила она. – Что это было? Почему ты сразу уехал?

– Позвонил доктор Парчейз, – ответил я.

– И что?

Я глубоко вздохнул.

– Убили Морин и девочек.

Она выронила ложку. Посмотрела на меня.

– Кто? – спросила она.

– Пока неизвестно.

– Ну и ну! – сказала она.

– Тебе не пора одеваться, а?

– У меня еще есть время, – отозвалась она, взглянув на настенные часы, но тут же воскликнула: – Нет, ошиблась! – и, вскочив, умчалась в свою спальню. Я поставил греться чайник, присел к столу и, прихлебывая апельсиновый сок, принялся просматривать газету. Об убийстве не упоминалось. Собирались возобновиться американо-советские переговоры об ограничении стратегических вооружений. Губернатор соседнего штата обвинялся в воровстве. В воскресенье утром голливудская знаменитость играла в теннис в спортивном клубе. Крис Эверт

¹¹ Кардинал – птица семейства дубоносов.

выиграла турнир «Вирджиния Слимз» в одиночном разряде, и губернатор Эскью провозгласил вчерашний день... А может, мне все-таки сыграть в теннис?

Вода в чайнике закипела.

Я приготовил чашку растворимого кофе и вышел на воздух – туда, где множество небольших причалов выдавались в канал, окруженный по обеим сторонам домами. Солнце только всходило. Ночной ветер разогнал все, что душило его; день обещал быть ясным и солнечным. Я прошелся по влажному от утренней росы газону. «Болтун» был пришвартован к причалу, и один из его фалов хлопал по алюминиевой мачте и поднимал при этом страшный треск. Я забрался на борт и закрепил трос. Шум сразу же прекратился. Я назвал катер «Болтуном», несмотря на сопротивление Сьюзен. Он обошелся в семь тысяч долларов, что было совсем неплохо для двадцатипятифутовой¹² посуды, в которой с удобством размещалось четыре человека. Стояла тишина. Потом стало слышно, как где-то неподалеку завели автомобиль. Я посмотрел на часы. Было без пятнадцати семь. Калюза просыпалась.

Я вернулся в дом и прошел в спальню. Сьюзен все еще спала: волосы разметались по подушке, правая рука согнута в локте, простыня зажата между ног. Джоанна принимала душ. Слышен был плеск воды. В спальне у нее приглушенно звучало радио – постоянный рок-н-ролл. Она включала его каждое утро, едва вылезала из постели. Как будто не могла прожить без музыки ни часа. Мне иногда хотелось, чтобы она включала радио на полную громкость – просто для разнообразия. А то через стену приходилось слушать монотонный гул бас-гитары без хоть какого-нибудь намека на мелодию.

Я хорошо отдохнул, но не знал, какие нагрузки предстоят в течение дня. К тому же у меня было ощущение, что вместо теннисного клуба Калузы мне следует ехать в контору. Однако я не думал, что Джейми будет на ногах задолго до полудня, и не видел повода к тому, чтобы ровно в девять сидеть за столом и ждать его звонка. В любом случае я буду в конторе в девять тридцать, от силы в десять часов... Итак, я все-таки решил поехать на теннис, прошел в нашу со Сьюзен ванную, снял халат и включил душ. Намыливаясь мылом, которое Сьюзен купила во время нашего путешествия по Англии прошлым летом, мылом, которое она просила не оставлять в мыльнице, так как оно моментально таяло и было страшно дорогим, я наблюдал струйки пены, бегущие по моей груди, животу и паху, и думал только об Эгги...

Теннисный клуб Калузы претерпевал реконструкцию в течение шести или семи месяцев и наконец начинал приобретать благообразный вид. Он обещал быть больше и величественнее, чем прежде, но пока что повсюду высились штабеля досок, стояли ведра с гвоздями, валялись рулоны рубероида, а деревянные козлы обозначали границу опасной зоны. Марк Голдмен уселся на одни такие козлы, даже скорее просто облокотился на них, скрестив ноги и положив на колени ракетку. Увидев меня, он посмотрел на часы.

– Думал, ты никогда не придешь, – заметил он. Каждый раз, когда он так говорил, я автоматически взглядывал на собственные часы. А говорил он так каждый понедельник. Прежде чем выйти из машины, я уже бросил взгляд на часы на панели управления, и они показывали без трех минут восемь. Когда я шел через стоянку, на моих часах было без двух минут восемь. Но в тот момент, когда Марк произнес свою излюбленную фразу, повторяемую исправно каждый понедельник с тех пор, как мы начали играть вместе, я опять посмотрел на свои часы как последний кретин.

У Марка были выющиеся черные волосы, темно-карие глаза и усы, которые он начал отращать месяца два назад. Когда он взялся за это дело, то сообщил, что это то, чего ему не хватало. Он говорил, что усы сводят юных девиц с ума. Для Марка это было важно, потому что ему было сорок восемь и он был холостяк. Если бы он не смог сводить с ума юных девиц,

¹² 25 футов – около 7,5 метра.

так кого тогда ему оставалось сводить с ума – матрон, что ли, в возрасте сорока? Нет, все эти годы он оставался удачливым холостяком, потому что старался держаться в русле.

– Поток, Мэтт, – говаривал он. – Если хочешь в чем-нибудь преуспеть, должен придерживаться общего русла. Усы сейчас – это крик моды. Ни одна девица моложе тридцати и не взглянет даже на безусого мужчину.

– А на усатого, ты говоришь, взглянет? Всего лишь? – интересовался я.

– Умники никому никогда не нравились, Мэтт, – отвечал он и грозил мне пальцем.

И на этот раз он разбил меня в пух и прах.

Вместо того чтобы дать фору человеку с забинтованной правой рукой, он играл еще лучше, чем когда-либо. Его подачи были сокрушительными. Мяч пролетал низко над сеткой, затем ударялся в землю и отскакивал высоко вверх и влево с подкруткой. Из-за травмы локтя я не мог реагировать на такие броски без того, чтобы не кривиться от боли. Большинство моих ударов представляло собой беспомощные свечки, при которых мяч взлетал высоко в воздух, а за сеткой его уже поджидал Марк и с силой вколачивал в землю. Когда же мне удалось отразить одну из его подач более или менее прилично, Марк сокрушил меня серией перекрестных ударов, изящных топспинов, головокружительных свечек и кошмарных ударов с лета, которые запросто снесли бы мне голову, если бы я вдруг встал у них на пути. Он выиграл первый сет со счетом 6:2, а второй со счетом 6:0. Когда он спросил, не хочу ли я сыграть третий, я ответил, что он жестокий и бессердечный ублюдок, который не преминул выиграть, пользуясь тем, что я калека.

– У тебя повязка не там, где надо, – небрежно заметил он. – Если у тебя поврежден локоть, то и следует носить ее на локте, а не на кисти.

– Ты не прав, – возразил я, – именно движение кисти вызывает боль в локте.

– Кто тебе об этом сказал?

– Врач.

– Что за врач?

– Доктор Купер, он ортопед.

– Он не разбирается в травмах рук при теннисе, – сказал Марк. – Я впервые повредил локоть, когда мне было всего шестнадцать.

– И что ты делал?

– Соорудил на локоть тугую повязку и отправился на крышу с девушкой по имени Жизель. Жизель-то уж точно знала, как лечить теннисные травмы. Если бы она была сейчас в Калузе, она в мгновение ока вправила тебе твой локоть.

– Но на самом-то деле лечить надо не локоть, а кисть!

– Старушка Жизель вылечила бы и кисть тоже.

Было минут двадцать десятого. Мой полный разгром занял немногим более часа. Там, где корты в более ранние часы были заполнены исключительно мужчинами, теперь начинали играть женщины. Они направлялись по дорожкам, обсаженным кустами, к свободным кортам. Несколько кортов уже мыли, и к шипящему звуку спринклерных струй примешивался ритмичный стук мячей – подача и возврат, подача и возврат. Утро было прохладным, в кронах деревьев, окружающих корты, шумел легкий ветерок. И вдруг до меня дошло: что-то изменилось. Или скорее... ничего не изменилось, и в этом было все дело! Все осталось по-прежнему.

С таким же успехом сегодня могло быть прошлым понедельником. Или позапрошлым. Не было взволнованной толпы, и совершенно не было заметно, что кто-то знает о том, что прошедшей ночью совсем недалеко отсюда была заколота женщина с двумя детьми. По правде говоря, в Калузе время от времени случалась поножовщина или стрельба, но они являлись результатом разборок в барах, причем в редчайших случаях. Такое убийство было у нас редкостью. Единственное, которое я смог припомнить за три года, что я жил здесь, произошло на Стоун-Крэб. Дело Хауэлла. Разговоры об этом преступлении будоражили город в течение

нескольких месяцев. Но этим утром, казалось, единственными людьми, кто хоть что-то знал об убийстве на Джакаранда-Драйв, были те, кто находился в доме Джейми прошлой ночью. Меня внезапно бросило в дрожь: ведь где-то неподалеку был убийца.

– Причиной, по которой теннис стал таким популярным видом спорта, – заметил Марк, – является то, что он дает женщинам законную возможность демонстрировать свои трусики. Если бы женщинам пришлось играть в длинных юбках, они тут же подтянули бы их вверх. Потому что, когда женщина собирается подавать или наклоняется, чтобы отразить удар, весь мир имеет возможность лицезреть ее трусики и оценить ее прелестный зад. И это замечательно. У вас найдется время для чашки кофе, господин адвокат, или вы должны срочно ехать защищать Сакко и Ванцетти?

– Для кофе время найдется, – ответил я.

За столиками в кофейне сидело с полдюжины мужчин и четыре женщины. Когда мы подошли к стойке, Марк оглядел женщин. Одна из них, пышногрудая блондинка в белой тенниске и очень коротких шортах, в ответ откровенно оглядела его сверху вниз. Он ей подмигнул, а она отвернулась и завела нарочито оживленный разговор с сидящей справа подругой. Марк заказал два кофе и спросил, не хочу ли я голландского сыра. Я ответил, что обойдусь. Мы заняли столик у перегородки с видом на пятый корт. На нем играли две женщины, очень сильные игроки. Одной из них на вид было около семидесяти, но каждая ее подача доставляла ее более молодой сопернице массу хлопот. Некоторое время я молча следил за ними, прихлебывая кофе и наслаждаясь его ароматом. Внимание Марка было приковано к блондинке. Когда я спросил, что он собирается делать, он не отреагировал. Я повторил вопрос.

– В деловом отношении или в светском? – спросил он. – А будь что будет, к черту дела! Светские развлечения – гораздо более интересное занятие. Ты помнишь, я рассказывал тебе о юной леди по имени Эйлин?

– Стюардесса в государственной авиакомпании?

– Нет, то была Арлин.

– Тогда не помню.

– Мы очень подружились.

– Хорошо, – сказал я.

– Не очень, – сказал Марк. – Она перебирается в Огайо. Получила предложение преподавать в Оберлине. Так вот: она позвонила прошлой ночью и сказала, что ей необходимо со мной увидеться. Я ответил, что не могу. Она удивилась: «Но я же уезжаю в Огайо!..» Я сказал: «Я знаю, дорогая, что ты уезжаешь, но это будет только в сентябре. А сейчас еще и март не наступил...»

– Ну так ты поехал к ней?

– Нет, не мог. Играл в покер. С твоим другом.

Я удивленно посмотрел на него:

– С моим другом?

– Джейми Берчером. Ты нас когда-то познакомил. В «Голубой лагуне».

– Ты хочешь сказать, с Парчейзом? Джейми Парчейзом?

– Да. Врач или что-то в этом роде...

– Ты играл с ним в покер прошлой ночью?

– Да, а что ты так разволновался, Мэтт? Все путем, ты же знаешь.

– Да я просто...

– Он меня даже и не вспомнил. Пожали руки, как вы поживаете, мистер Голдмен, тут же уселся и принялся подсчитывать свои фишки. – Марк пожал плечами. – Черт с ним, – добавил он.

– Что-то не пойму, – сказал я. – Ты что, там постоянный участник?

– Нет, нет, просто вчера вечером мне позвонил друг – как раз минут за десять до звонка Эйлин. Арт Крамер, ты его знаешь? Он торгует недвижимостью на Уиспер-Кей.

– Нет, мы не знакомы.

– Двое из его игроков не смогли приехать, и он спросил, не могу ли я оказать ему услугу и приехать сыграть. Как-то раз я играл в эту игру. Мне не очень понравилось, поэтому я никогда к ней не возвращался. Но у них нет никаких вариантов этой игры, традиционно сдается по пять или семь карт... А ты играешь в покер?

– Да.

– А Арт не может. Я имею в виду – по-настоящему. Он любит эту игру, но не может вести дело так, чтобы спасти собственный зад. Знаешь, сколько он проиграл вчера?

– Сколько же?

– Сорок долларов. Знаю, это не впечатляет, но эти ребята играют по маленькой. А вот твой друг вышел из игры с мешком денег.

– Мой друг?

– Скажи, Мэтт, у тебя что, травма локтя отразилась на слухе?

– Ты говоришь о Джейми Парчейзе?

– Да, о твоём друге. Ведь Джейми Парчейз твой друг? Джейми – врач. Попроси его проверить твой слух, Мэтт.

– Ты хочешь сказать, что он выиграл?

– Да. Отлично, Мэтт. Это именно то, что я подразумевал, когда сказал, что он вышел из игры с мешком денег. Молодец, Мэтт, ты делаешь большие...

– Нет, погоди. Он выиграл? Действительно выиграл?

– Вероятно, здесь где-то эхо, – саркастически заметил Марк. – Да, он выиграл. Или, другими словами, он выиграл, да. Обратил фишки в деньги, попрощался и ушел.

– А он не сказал, почему уходит?

– Устал, бедняга. Сказал, что должен поехать домой и выспаться.

– Он так и сказал – что собирается домой?

Марк посмотрел на меня.

– Мне кажется, я говорю по-английски, – сказал он, – но...

– Марк, вспомни, он действительно говорил, что собирается домой?

– Да, именно, он сказал, что собирается домой. Что не очень-то этично, Мэтт. Если выигрываешь, то обычно игру не бросаешь. Мы играли до часу ночи, а у него в кармане к одиннадцати уже было шестьдесят долларов.

– Именно тогда он и ушел? В одиннадцать?

– Ну, может, без чего-то одиннадцать. – Марк покачал головой. – И уже не в первый раз. По словам Арта, у твоего друга это входит в привычку.

– Что именно? Рано бросать игру?

– Да.

– Ты имеешь в виду, когда он выигрывает?

– И даже когда проигрывает. Арту нравится, когда играет семь человек. Это вносит определенную остроту. Когда кто-то рано выходит из игры, это снижает ее динамику. Держу пари, Арт попытается избавиться от него. Вчера он был вне себя от ярости, я тебе точно говорю, – Марк помолчал. – Что тогда твой друг будет делать? Без игры в покер для алиби?

– Ну... Не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Разве? Мэтт, это ясно как день. У твоего друга небольшая интрижка на стороне. Что ж, это делает ему честь. Но неужели он не может подыскать для алиби чего-нибудь получше, чем игра в покер? Например, операции аппендицита по воскресным вечерам...

Глава 5

Следующие десять минут я провел в телефонной будке рядом с заправочной станцией. На часах было без пятнадцати десять, и движение на дороге усилилось. Легковые машины и грузовики двигались вплотную в обоих направлениях. Сколько я живу здесь, столько ведутся разговоры о финансировании суперавтострады через весь штат, которая приняла бы вместо города основной поток машин. Обсуждение идет до сих пор. Общее мнение таково, что если даже начать строительство сию минуту, закончится оно лет через десять. К этому времени движение на трассе будет заморожено на всем пути от Тампы до Эверглейдс.

Первым делом позвонил Эгги.

Прозвучало три гудка, наконец она отозвалась:

– Аллю?

– Привет.

– Мэтт, как здорово! А я как раз собралась уходить.

– Куда же это?

– Очередная нудная репетиция. Ты освободишься сегодня после полудня?

– А что?

– У Джули урок на гитаре, у Джерри тренировка по баскетболу. Так что я свободна уж до пяти точно.

– Не дразни меня.

– А вот мне хочется.

– Не уверен, что вырвусь к тебе, – сказал я. – Дела складываются так, что, возможно, не смогу тебе даже позвонить.

– Почему? Что-нибудь случилось?

– Сегодня ночью у Джейми Парчейза убили жену и детей.

– Не может быть!

– Да, малышка, мне бы хотелось, чтобы этого не было, но...

– О, Мэтт, это ужасно!.. Кто это сделал?

– Пока не знаем.

– Но не Джейми, правда ведь?

– Не думаю.

– Ты не уверен?

– Просто не знаю, Эгги.

– Что думает полиция?

– Дело ведет Юренберг. Он сказал, что Джейми не подозревают, но я не очень-то этому поверил.

– А что Джейми?

– Утверждает, что это не он. Солнышко, мне надо идти. Когда ты закончишь со своей репетицией?

– Самое позднее в час.

– Я попытаюсь позвонить тебе после часа. Эгги?..

– Да, дорогой...

– Я чуть не сказал ей сегодня ночью... чуть не сказал Сьюзен, что хочу развода.

– Но не сказал все-таки?

– Нет.

– Ладно, милый.

– Эгги, я люблю тебя.

– Я тоже.

– Я попытаюсь позвонить тебе.

– Хорошо.

– Я люблю тебя, – повторил я и мягко опустил трубку на рычаг. Выудив из кармана очередную монетку, я быстро набрал номер телефона мотеля «Сад магнолий».

– «Сад магнолий», – отозвался женский голос, – доброе утро.

– Доброе утро, – сказал я. – Будьте добры, могу я поговорить с доктором Парчейзом? Он в двенадцатом номере.

– Соединяю с номером двенадцать, пожалуйста, сэр, – ответила она. – Доктор Парчейз, доктор Парчейз... – Ее голос умолк. Я представил, как она ведет указательным пальцем по списку. – Он выписался, сэр, – наконец сказала она.

– Вы уверены?

– Да, сэр.

– Когда он выехал?

– Что-то около девяти. Его подобрало такси из Калузы.

– Благодарю вас, – сказал я и повесил трубку. В телефонной будке было душно. Я приоткрыл дверь, чтобы глотнуть свежего воздуха, но тащившийся мимо трейлер наполнил будку гулом и чадом.

Я знал, что в таксопарках, будь то в Калузе или где угодно, никогда никому за исключением полиции не расскажут, куда отвезли пассажира. Я колебался, не позвонить ли все-таки в таксопарк и, отрекомендовавшись детективом Юренбергом, узнать, куда отвез ли пассажира, севшего в такси около мотеля «Сад магнолий», но не хватило дерзости. Вместо этого я попытался сообразить, куда мог отправиться Джейми в девять утра, будучи одет так же, как и вчера вечером, – ведь он ничего не взял с собой. Даже бритвенного прибора. Единственным местом, куда он мог поехать, так это обратно домой – принять душ, побриться, переодеться. Номер телефона я знал наизусть.

– Детектив Ди Лука, – отозвался мужской голос. Напарник Юренберга, вспомнил я, смуглый голубоглазый мужчина небольшого роста. Его голос был довольно пронзительным. Даже удивительно. Я ожидал услышать осевший голос, даже шепот.

– Говорит Мэттью Хоуп, – представился я, – адвокат доктора Парчейза.

– Да, сэр, доброе утро.

– Здравствуйте. Я хотел узнать, нет ли у вас доктора Парчейза?

– Да, сэр, он недавно приехал. Хотите поговорить?

– Если можно.

– Ну... Подождите секунду, ладно?

Он положил трубку рядом с телефоном. Я слышал, как он что-то крикнул какому-то Генри, и тут же Джейми взял трубку.

– Джейми, это я, Мэтт. Выслушай меня. Мне надо немедленно увидеться с тобой, но только не в доме, где повсюду рыщут полицейские.

– Что случилось, Мэтт?

– Ничего особенного. Мне нужно кое-что уточнить. Ты уже переоделся?

– Да.

– Собираешься на работу?

– Нет. Позвонил в контору и велел Луизе отменить прием.

– Отлично. Тогда придешь ко мне в контору к десяти тридцати?

– В чем дело, Мэтт?

– Сможешь приехать?

– Да, конечно.

– Увидимся, – сказал я. – До свидания, Джейми.

– До свидания, – озадаченно проговорил он.

Я опустил трубку и отправился к воздушному шлангу, где припарковал машину. Техник гаража стоял возле нее руки в боки. Похоже, он был чем-то задет; наверное, моя машина перегородила дорогу к шлангу. Он продолжал наблюдать за мной, когда я забирался в кабину. Едва я собрался дать задний ход, как он спросил:

- Сколько вы хотите за эту машину?
- Она не продается, – ответил я.
- Вам надо отрихтовать тот бампер, – посоветовал он. – Портит весь вид.
- Как-нибудь соберусь.
- Знаете, таких машин больше не делают.
- Знаю, – сказал я. – Это классика.
- Точно, – согласился он.

Становилось все жарче. Я включил кондиционер. Он тарахтел, дребезжал и лязгал, но стало чуть прохладнее. Когда я подъехал к повороту на шоссе 74, было почти десять часов. Я включил радио и поймал последние такты слащавой аранжировки песенки «Восход, закат». Сразу после этого начались новости. Главной темой было убийство Морин Парчейз и ее дочерей.

Наконец-то это перестало быть сном.

Синтия Хьюлен была уроженкой Флориды. У нее были длинные светлые волосы и потрясающий загар, который она фанатично культивировала; не проходило и уик-энда без того, чтобы Синтия не отправилась на пляж или не вышла на катере в море. Она, бесспорно, была самой красивой во всех отделениях конторы «Саммервилл и Хоуп», ей было двадцать три года, и она ведала приемом посетителей. Мы уговаривали ее бросить эту работу и изучать право. Она уже получила степень бакалавра гуманитарных наук, обучаясь в университете Южной Флориды, и мы были готовы взять ее в фирму, как только она сдаст экзамен на адвоката. Синтия только улыбалась и отвечала: «Ну уж нет, у меня нет никакого желания снова окупаться в эту суету».

Она посмотрела на меня, как только я вошел в контору.

- Фрэнк хотел бы немедленно с вами увидеться, – сообщила она.
- Ладно. Кто-нибудь звонил?
- Мистер Галатье.
- Что ему нужно?
- Попросил напомнить вам о том, что ему назначено на двенадцать.
- Неужели я забуду? Кто-нибудь еще?
- Ваша жена. Сказала, что это не важно.
- Хорошо. Позвони Фрэнку и скажи ему, что я собираюсь принять душ и переодеться.

Через пять минут буду у него. Скажи ему также, что в десять тридцать приедет Джейми.

- Как все это ужасно, – сказала Синтия.
- Да. И вот что, Син. Я думаю, все-таки лучше позвонить Галатье и сообщить ему, что не смогу с ним встретиться. Вероятно, все здесь будут возбуждены, и не надо, чтобы под ногами путался лунатик.

– Вы выиграли? – спросила Синтия.

– Нет, – ответил я.

Единственной роскошью, на которой мне удалось настоять в нашей конторе, был душ. Архитектор хотел установить его в стене между моим кабинетом и кабинетом Фрэнка, рядом с ванной, там, где проходят трубы. Но это было невозможно сделать без того, чтобы не урезать кабинет Фрэнка. Фрэнк сказал, что не возражает, когда принимают душ на работе, хотя это следовало бы делать дома, но возражает, когда его кабинет хотят урезать до размеров чулана просто для того, чтобы удовлетворить капризы потеющего спортсмена. Наш архитектор вместо этого выбрал противоположный конец коридора, поместив душевую между конференц-залом

и кабинетом Карла Дженнингза – Карл только-только сдал экзамены на адвоката и поэтому не обладал никакими привилегиями. Я вошел в свой кабинет, взял смену белья и уже направился к двери, когда зазвонил телефон. Я положил все на кожаный диван напротив стола и поднял трубку.

– Да? – сказал я.

– Мистер Хоуп, это снова ваша жена, – сказала Синтия. – Вы можете поговорить?

– Хорошо, соедините, – ответил я и посмотрел на часы. Было почти десять минут одиннадцатого; Джейми будет здесь через двадцать минут, а я еще не переговорил с Фрэнком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.